

— Бессмертный, Бессмертный... Это же я! — Мальчик смотрел с болью и недоверием, его лицо вызывало жалость.

— Молодой человек... Молодой человек...

— Гость...

— Господин...

— ...

Бесчисленные змеи постепенно превращались в лица, которые они видели днём. Они корчились от боли, ползая к ним.

Хуа Буюй едва мог дышать, не зная, были ли те люди настоящими или же змеи были их истинной сущностью.

— Тахуа, — раздался спокойный голос Цзи Цаншэна. — Внимательно смотри.

Светящийся голубоватый свет, исходящий от кончиков пальцев Цзи Цаншэна, проник в лоб Хуа Буюя, и его сердце успокоилось.

Оказалось, что эффект дурманящего дыма ещё не прошёл, и это сбило его с толку, мешая увидеть чёрных бабочек, окружённых красным светом, позади этих людей.

Это были не жители городка, а иллюзии, созданные змеями! А сами змеи были под контролем демонических бабочек, излучающих зловещий красный свет. Если поверить в их обман, то ждут лишь ядовитые клыки.

— Это...

— Жители городка Чанлин на самом деле были змеями, которые тысячелетиями находились под контролем Бай Иси, и до сих пор жили в мире.

Хуа Буюй едва заметно нахмурился. Цзи Цаншэн знал имя змеиного духа из леса?

— Держи. — Цзи Цаншэн достал из космического мешка чёрный меч, который когда-то висел в доме Хуа Буюя — меч Умин.

— Хорошо. — Спустя столько лет Хуа Буюй наконец получил меч, который всё это время хранил Цзи Цаншэн. Лезвие меча было сделано из неизвестного материала, чёрного как смола, поглощающего даже свет.

По сравнению с другими мечами Умин был очень тяжелым, но при этом невероятно острым, способным рассекать ветер. Даже в руках четырнадцатилетнего Хуа Буюя он казался слишком большим.

Хуа Буюй легко сделал несколько движений мечом, отбивая атаки очередного жителя. Вибрация передалась в его ладонь, и меч, молчавший восемь лет... или даже дольше, начал дрожать от возбуждения.

Юноша глубоко вздохнул. Казалось, между ним и Умином была какая-то связь.

Хуа Буюй уже собирался нанести удар, чтобы размяться, но Цзи Цаншэн остановил его.

В его ушах раздался вздох, полный сожаления.

— Действуй.

— ... Хорошо. — Хуа Буюй не понимал, что задумал Цзи Цаншэн. Неужели он жалеет этих марионеток-змей?

Юноша в плотной одежде действовал быстро и ловко, мгновенно отрубив голову чёрной змее. Бабочка, создавшая иллюзию женщины, превратилась в пыль, а тело упало на землю, и в клубах дыма превратилось в чёрную змею.

Затем змея слабо пошевелилась, и из её глаз скатилась яркая слеза.

Это была слеза.

Эти глаза, этот взгляд...

Эта змея была сестрой Сань Наньнань, которая днём смущённо искала, куда положить жёлчный пузырь.

Иллюзия человека не была просто обманом — они когда-то действительно жили!

Хуа Буюй дрогнул, и в этот момент другая змея воспользовалась его слабостью, бросившись на него с раскрытой пастью.

Белый клинок меча появился перед его глазами, лента на рукояти развевалась на ветру, и под холодным лунным светом змея была рассечена пополам.

Кровь брызнула на барьер, созданный Цзи Цаншэном, как цветы сливы, расцветающие на снегу, вышитые на ширме в комнате Юй Худе.

Ярко.

Броско.

Змея была рассечена, внутренности вывалились наружу, и чувство отвращения поднялось в горле.

— Они... давно мертвы.

Цзи Цаншэн, казалось, объяснял.

Как у мёртвых могут быть такие яркие эмоции?

Хуа Буюй лишь чувствовал, что это смешно.

Настолько смешно, что его глаза наполнились слезами, и он повернулся, чтобы отрубить голову другой змее.

Он отвернулся, не желая больше смотреть на этого человека.

Цзи Цаншэн... всё ещё был тем самым Цзи Цаншэном.

Даже если они были мертвы и стали чьими-то марионетками, зачем было так жестоко

расправляться с ними, вспарывая их животы!

Да.

Да...

Те упрямые убеждения, которые держались в сердце Хуа Буюя, наконец рухнули.

Цзи Цаншэн всегда был таким... жестоким.

Он знал это.

Даже если его действия в этой жизни заставляли Хуа Буюя сомневаться, то, что произошло в прошлой жизни, было фактом!

Хуа Буюй в расстройстве рубил нападавших жителей — одни были людьми, другие — змеями.

Он шаг за шагом отдалялся от него, от этого отвратительного демона!

— Братец!

— ...!

Хуа Буюй едва мог дышать, его движения замерли.

Перед ним стояла Сань Наньнань!

Хуа Буюй с трудом поднял взгляд и увидел за спиной девочки чёрную бабочку, окружённую зловещим красным светом.

Даже если он не хотел этого видеть, он заметил, что в волосах Сань Наньнань был закреплён кузнечик из травы.

Они давно мертвы.

Как они могли быть мертвы?

Несколько часов назад каждый из них был живым человеком!

— Братец...

Из глаз Сань Наньнань скатились две крупные слёзы, и она протянула свои маленькие ручки, словно ребёнок, ищущий объятий.

Хуа Буюй закрыл глаза.

— Прости.

Клинок меча прорезал плоть и кости, и перед глазами Хуа Буюя, даже закрытыми, возник образ обезглавленной шеи, из которой хлестала кровь.

— Хуаньхуань...

Когда госпожа Хуа была в хорошем настроении, она всегда добавляла уменьшительно-ласкательный суффикс к имени Хуа Буюя.

Она сидела с маленьким Хуа Буюем на руках под банановым деревом у входа, глядя на закат, и её настроение становилось особенно радостным.

К сожалению, закат длился слишком недолго, и маленький Хуа Буюй очень хотел поймать эти разноцветные облака с помощью толстого бананового листа, чтобы принести их домой и показывать матери каждый день, чтобы она всегда была счастлива.

Их деревня всегда была малонаселённой — всего восемнадцать человек, и он был единственным ребёнком.

Когда госпожа Хуа уходила, она оставляла Хуа Буюя играть в соседней деревне.

Поскольку он всегда был один, без компании, сначала его часто обижали дети постарше.

Но, как говорится, дети без отца рано взрослеют, и Хуа Буюй не дал себя в обиду тем, кто был старше и сильнее.

— Хуаньхуань, хочешь сестрёнку?

Тогда Хуа Буюй был ещё маленьким, но даже без этого он знал, что такое «сестрёнка».

Например, тот глупый Эр Пан, который был крупнее и сильнее, и чья мать всегда дёргала его за уши, был королём детей в соседней деревне, и даже когда его дёргали за уши, он мог ругаться, но стоило ему увидеть свою грязную, сопливую сестрёнку, как он сразу становился тихим.

Сестрёнка казалась чем-то более страшным, чем мать.

Грязная.

И плаксивая.

И нельзя было показывать, как мальчики писают.

Очень, очень хлопотно!

— Не хочу! — Хуа Буюй упрямо надул губы.

Госпожа Хуа рассмеялась, нежно пощипывая его маленькие, мягкие и тёплые ушки:

— Почему?

— Сестрёнка... не умывается!

— Она ест сопли!

— И... и плачет!

Хуа Буюй перечислял «преступления» сестрёнки, словно если он не скажет хоть одно, мать действительно принесёт ему сестрёнку.

Он точно не хотел этого!

Автор хотел бы сказать: Я понял — это не приложение против меня, это весь интернет против

меня. Ладно, я сам напишу благодарность.

Спасибо маленькому любимчику «Я очень тебя люблю» за ваш подарок.

Комментарии — это мой стимул писать, даже если это просто отметки, я очень рад. Спасибо всем!

Я сказал другу, что первая глава жестока, а потом показал ему план, и теперь я без головы, не спрашивайте, почему. На самом деле я плохо пишу жестокие сцены — сам пишу и плачу, а потом перечитываю и думаю: «Что за ерунда, это совсем не жестоко!» (Мой порог жестокости очень низкий). Так что не бойтесь, всё будет хорошо, и я обещаю счастливый конец, а не тот, где всё открыто. После хэппи-энда будут сладкие дополнения, где Хуа Буюй будет мило улыбаться, так что не проходите мимо, подписывайтесь, анонимы тоже могут подписаться одной кнопкой.

(Я слишком много говорю, я как стендап-комик.)

<http://bllate.org/book/17680/1648245>